

Хотя сестра тоже принадлежит к одному поколению, но, придя на родительское собрание, Шэнь Яньжу выглядела настолько по-взрослому, что для этих старшеклассников она явно была из другого мира. Встретить старших из семьи одноклассника — дело неловкое.

Для самой Шэнь Яньжу этот опыт был в новинку.

С детства она получала элитарное образование в формате один на один, и даже когда в старших классах училась в привилегированной школе, обстановка там разительно отличалась от обычных учебных заведений. Отношения между одноклассниками... можно сказать, были пропитаны обменом выгодами. В конце концов, все они были детьми из хороших семей и с малых лет понимали, какой путь им предстоит пройти. Учеба была скорее не для знаний, а для расширения связей.

Все одноклассники были прожженными циниками, и искреннего, простого общения там почти не существовало.

Шэнь Яньжу не любила ту среду, поэтому всегда держалась особняком. А после окончания школы, когда началась карьера, формат обучения снова вернулся к индивидуальным занятиям, так что она и вовсе не знала, что такое обычная школьная жизнь.

К тому же сейчас она появилась здесь не в роли ученицы, а в роли родителя.

Родители уже начали подтягиваться. После того как ученики провожали их до класса, их выпроваживали, чтобы дать взрослым пообщаться с классным руководителем наедине. Поэтому по дороге наверх она столкнулась с несколькими ребятами, и каждый из них, без исключения, обращал внимание на Шэнь Яньжу, стоявшую рядом с Ань Чжисяо.

Это был еще один интересный опыт.

Из-за своего статуса Шэнь Яньжу всегда приковывала к себе максимум внимания. Когда она была с кем-то рядом, то именно она неизменно становилась центром, а остальные оказывались лишь фоном. Даже такая популярная певица, как Чжан Тяньцзе, стоявшая рядом с ней, меркла на её фоне. Если они появлялись вместе, СМИ фокусировались именно на Шэнь Яньжу.

Но сейчас она была здесь как опекун и сестра Ань Чжисяо, поэтому все сначала замечали Ань Чжисяо, а уже потом — её.

Дело было вовсе не в том, что сияние Шэнь Яньжу померкло, просто для этих детей одноклассник, с которым они проводят каждый день, был ближе, поэтому его они замечали в первую очередь.

Впрочем, это лишь подтверждало, что у Ань Чжисяо отличные отношения с ребятами, иначе они могли бы и не подойти поздороваться, даже заметив её.

Шэнь Яньжу это ничуть не удивило. В Ань Чжисяо действительно была какая-то притягательность, особенно когда она улыбалась — это было похоже на восход солнца или распускающийся весенний цветок, что особенно трогало людей.

Войдя в класс, Ань Чжисяо представила Шэнь Яньжу классному руководителю и ушла, постоянно оглядываясь.

Хотя она ничуть не беспокоилась за Шэнь Яньжу, но почему-то на душе было тревожно.

Шэнь Яньжу села на место Ань Чжисяо. Парты одиннадцатиклассников были завалены книгами. Шэнь Яньжу с любопытством осмотрелась и заметила, что книги разделены на две категории: учебники и всевозможные справочники с задачками.

Она наугад вытянула один из них, открыла и...

Шэнь Яньжу подумала, что, возможно, она никогда и не училась? Иначе почему символы в книге узнавали её, а она их — нет?

В этот момент человек, сидевший рядом, внезапно коснулся её локтя и спросил:

— Мне кажется, вы выглядите знакомой?

— ...Наверное, виделись на предыдущем собрании, — Шэнь Яньжу с невозмутимым видом начала плести небылицы, пользуясь тем, что родители вряд ли хорошо знали друг друга. В конце концов, она слышала от Ань Чжисяо, что рассадку в классе меняли много раз, так что родители понятия не имели, кто чей опекун.

— Вот оно что. Вы такая молодая, пришли на собрание к младшей сестре?

Шэнь Яньжу кивнула. Собеседница с тревогой продолжила:

— Моя дочь говорит, что многие в классе собираются готовиться дома, мол, там эффективнее. Но у неё совсем нет самодисциплины, а мы с мужем работаем и днем совсем не можем за ней следить. Боюсь, что дома она не будет учиться, а мысли займет чем-то другим, и все пойдет прахом. А как у вас? Что решили?

— ... — Шэнь Яньжу на мгновение опешила.

Хотя она и пришла в качестве сестры, но вжиться в эту роль до конца пока не могла. Всё потому, что Ань Чжисяо была невероятно дисциплинированной, и в плане учебы от неё никогда не было хлопот — обе занимались своими делами.

Поколебавшись, она ответила:

— Моя сестра довольно самостоятельна, я не беспокоюсь.

— Ох, как же вам повезло! — Эта женщина лет пятидесяти, ухоженная, с манерами и речью, выдававшими в ней человека воспитанного. Однако между бровей залегли морщинки, выдававшие строгий характер. Шэнь Яньжу легко могла представить её на рабочем месте.

Но сейчас это была лишь обычная обеспокоенная мать. Она нахмурилась:

— У меня возникла идея: может, детям организовать учебную группу? Пусть те, кто дружит, собираются вместе, подгоняют друг друга. И атмосфера рабочая, и не так шумно, как в школе, меньше отвлекаются.

— Отличная мысль. Я обсужу это с ней, — ответила Шэнь Яньжу.

Женщина на время оставила эту тему и спросила:

— Сколько ваша набрала на пробном экзамене? Какой рейтинг по провинции? У моей дочери баллы на уровне проходного балла в вуз первого эшелона, я места себе не нахожу. Если чуть оступится, не хватит балла-двух — и всё, пропало. Рейтинг вроде неплохой, учитель говорит, что по пропорции проходит. Но в прошлом году задания были легкие, а в этом — сложные. А чем сложнее задания, тем ниже проходной балл...

Эта встревоженная мать явно не находила себе места из-за успехов дочери и всё продолжала жаловаться, закончив фразой:

— Думаю, может, взять отпуск на месяц и остаться дома, чтобы присматривать за ней? Иначе совсем неспокойно!

— ...

Это собрание запомнилось Шэнь Яньжу больше всего именно этой женщиной. Её бесконечный поток слов и тревога за ребенка произвели на неё сильное впечатление.

Оказывается, обычным родителям приходится столько всего учитывать!

А ей до звания настоящего опекуна еще расти и расти.

На обратном пути Шэнь Яньжу не удержалась и спросила:

— Как зовут твою соседку по парте?

— Ты про Цинь Юэюэ? А что с ней?

— Ничего, просто подумала, что её мама... — Шэнь Яньжу долго подбирала слово, — очень сильная женщина.

— А, это да, — Ань Чжисяо рассмеялась. — Она жаловалась мне уже тысячу раз, что мама держит её в ежовых рукавицах и дома никакой свободы. Слышала, та хочет взять отпуск на месяц, чтобы следить за ней до самого ЕГЭ. Это же перебор, правда?

— ...Ты считаешь, это плохо? — Шэнь Яньжу слегка замедлила шаг, стараясь, чтобы Ань Чжисяо этого не заметила.

Она-то думала, что именно так и должны вести себя родители, и даже размышляла, не отложить ли работу, чтобы уделять Ань Чжисяо больше внимания.

Но, поразмыслив, поняла, что её возможности ограничены: едой занимается персонал отеля, в учебе она помочь не может. А в быту Ань Чжисяо, кажется, ни в чем не нуждается. Что касается психологического настроя перед экзаменами — Шэнь Яньжу сама в этом ничего не смыслит, как она может её утешить?

Ань Чжисяо сказала:

— Не знаю, плохо это или хорошо, но Цинь Юэюэ это нужно, у неё проблемы с самодисциплиной. Она сама говорит, что если мама не заставит, то она не удержится и будет смотреть телевизор или читать комиксы, ей трудно сосредоточиться на учебе.

— А ты?

— Я? — Ань Чжисяо удивилась, помолчала и ответила: — Я привыкла.

Эта фраза, сказанная таким ровным тоном, вдруг отозвалась болью в сердце Шэнь Яньжу.

Ань Чжисяо с детства мало времени уделяла учебе, потому что помимо неё приходилось бороться за выживание. Именно поэтому у неё выработалась привычка ценить каждую минуту.

Хорошая привычка, но причина её возникновения была печальна.

У сверстников есть заботливые родители, а у неё — нет. Это результат долгих лет одиночества, который Шэнь Яньжу никак не могла восполнить.

Она повернулась к Ань Чжисяо:

— Мама Цинь Юэюэ сказала, что школа разрешает готовиться дома, и ваши учителя это подтвердили. У тебя нет таких планов?

— Нет смысла. С одноклассниками лучше — если возникнет вопрос, есть у кого спросить. Да и учителя всегда под рукой, — ответила Ань Чжисяо.

Она знала, что Шэнь Яньжу работает в отеле, и если она останется там, то будет мешать. В школе ничуть не хуже, так что не стоит создавать лишних проблем.

Шэнь Яньжу кивнула и замолчала.

Она никогда не была разговорчивой и с другими людьми держалась холодно, не испытывая желания поддерживать беседу. Со временем это вошло в привычку, и теперь, даже когда хотелось что-то сказать, она не знала, с чего начать.

Выйдя из школы, они прошли какое-то расстояние, и Шэнь Яньжу заметила, что это не дорога к отелю.

— Мы куда? — спросила она.

Ань Чжисяо обернулась и улыбнулась:

— Я хочу зайти к сестре Чжан. Это хозяйка цветочного магазина. Пойдешь со мной?

Это обращение «сестра» прозвучало так тепло и естественно, что Шэнь Яньжу невольно кивнула.

Хотя ей не нравилось, что Ань Чжисяо работала в цветочном магазине, но тот факт, что хозяйка приютила её и дала работу, был достоин уважения. Навестить её стоило.

Занятия еще не закончились, солнце в три-четыре часа дня припекало, оставляя позади них длинные тени.

Когда они подошли, сестра Чжан как раз разговаривала с клиентом. Ань Чжисяо и Шэнь Яньжу остановились в стороне. Вскоре подошел еще кто-то, и Ань Чжисяо тут же приветливо встретила его, а спустя минуту продала горшок с алоэ. Пусть мелочь, а всё же прибыль.

Клиент, с которым общалась сестра Чжан, в итоге ничего не купил. Проводив его, она повернулась и, протянув руку, ткнула Ань Чжисяо в лоб:

— Вспомнила всё-таки про меня?

— Сестра Чжан, я виновата! — Ань Чжисяо не увернулась, лишь поморщилась, покорно принимая тычок.

Шэнь Яньжу наблюдала за этим со стороны, и вдруг палец сестры Чжан на лбу Ань Чжисяо показался ей неуместным.

Это чувство нахлынуло внезапно, даже она сама не поняла, почему.

По идее, то, что Ань Чжисяо в хороших отношениях с сестрой Чжан и они так шутят — совершенно нормально. Но Шэнь Яньжу это не понравилось. Она невольно сделала шаг вперед и произнесла:

— Здравствуйте.

Сестра Чжан увидела её и убрала руку:

— Сяо Сяо, это кто?

— Это моя сестра! — Ань Чжисяо тут же улыбнулась. — Я теперь живу с ней. Пришли поблагодарить вас за то, что вы заботились обо мне раньше.

Шэнь Яньжу достала личную визитку и протянула её сестре Чжан:

— Спасибо, что заботились об Ань Чжисяо. Если в будущем понадобится помощь, обязательно позвоните. Моя фамилия Шэнь.

На визитке был только номер телефона и ничего больше. Это мера предосторожности: Шэнь Яньжу — публичная личность, и если бы её личный номер попал не в те руки, это создало бы проблемы.

Такая серьезность застала сестру Чжан врасплох. Она инстинктивно почувствовала, что с этой «сестрой» Ань Чжисяо шутки плохи, и её тон стал заметно сдержаннее.

Шэнь Яньжу осталась довольна.

Выйдя из магазина, они пошли домой пешком. По пути многие здоровались с Ань Чжисяо, а та улыбалась в ответ. Если кто-то любопытствовал по поводу Шэнь Яньжу, она коротко объясняла.

Шэнь Яньжу начала подозревать, что Ань Чжисяо знает всех в этом городе.

Даже если город невелик, такая широта общения поражала. Она осознала, что Ань Чжисяо — совсем другой человек, нежели она.

Или, вернее, все люди в этом городе — совсем не такие, как она.

Если Шэнь Яньжу — представительница большого города, живущая в своей «раковине», не общающаяся с соседями, в быстром темпе и с холодными человеческими отношениями, то Ань Чжисяо и остальные здесь — воплощение старых, душевных связей.

Дальний родственник не заменит близкого соседа, ритм жизни здесь медленный, беда одного — забота всех...

Раньше Шэнь Яньжу казалось, что такие отношения — это утомительная путаница. Но, глядя на Ань Чжисяо, она видела, что та чувствует себя в своей тарелке.

И она не могла не признать, что это народное общение, где каждый встречный на улице улыбается и перекидывается парой слов, действительно расслабляет. Даже если она лишь сторонний наблюдатель.

В этот момент в голове Шэнь Яньжу что-то промелькнуло.

Она поняла, почему не могла написать текст песни, который бы её устроил.

Так же, как и с музыкой: она хотела сделать что-то «под заказ» для Ань Чжисяо, но не погрузилась в среду, в которой та жила.

Стоило преодолеть этот барьер, как мысли одна за другой начали складываться в стройную систему. Шэнь Яньжу тут же выстроила план — стоило вернуться, и она тут же возьмется за дело. Она верила, что этот текст, после небольшой шлифовки, будет великолепен!

Это было тонкое, мистическое озарение. Но для любого талантливого человека такое чувство — бесценный дар. Шэнь Яньжу не хотела терять время и вдруг схватила Ань Чжисяо за руку:

— Пойдем домой.

Ань Чжисяо водила её по улицам, чтобы дать расслабиться и, возможно, спровоцировать прилив вдохновения. Но она не ожидала, что результат будет таким ошеломляющим!

Может, потому что Шэнь Яньжу сама по себе достаточно талантлива, ей просто нужен был толчок, чтобы пробить барьер и найти новый путь.

Раз результат достигнут, Ань Чжисяо не видела смысла продолжать прогулку.

Они, держась за руки, побежали в сторону отеля.

На бегу Ань Чжисяо вдруг рассмеялась.

Смеялась так, что перехватило дыхание, и ей пришлось остановиться. Она присела на корточки, продолжая смеяться, а Шэнь Яньжу, которую она тянула за собой, остановилась перед ней, глядя с недоумением на этот внезапный приступ веселья.

Через некоторое время Ань Чжисяо перестала смеяться. Ноги онемели, и она, не в силах встать, просто подалась вперед и обняла Шэнь Яньжу за ноги.

— Сестра, — тихо позвала она.

Шэнь Яньжу свободной рукой погладила её по голове:

— Что такое?

Ань Чжисяо яростно замотала головой.

С момента перерождения в её сердце скопилось много негативных эмоций. Хотя всё шло по плану, внутри Ань Чжисяо всё равно рождались странные чувства.

Она получила много того, чего не было в прошлой жизни. Она была счастлива, но одновременно испытывала невыразимую тяжесть. Ведь эти вещи не должны были принадлежать ей. Ань Чжисяо не могла отделаться от мысли, что, возможно, она просто отобрала их у кого-то другого.

Хотя она даже не знала, чьи они были изначально.

Но только что, в этом беззаботном смехе, она выплеснула всё наружу.

Неважно, чьим это было раньше. Она не плела интриг и не шла по головам, чтобы получить это — значит, теперь это её. Даже если в глубине души оставался осадок, Ань Чжисяо знала: если кто-то придет и попытается это отнять, она ни за что не отдаст.

Она будет... крепко держаться за Шэнь Яньжу, за всё, что уже получила.

Ань Чжисяо почувствовала легкое головокружение.

— Сестра, кажется, у меня кислородное голодание, — она подняла лицо и посмотрела на Шэнь Яньжу.

— Сможешь встать? — Шэнь Яньжу наклонилась и протянула руку.

Ань Чжисяо послушно вложила свою ладонь в её. Шэнь Яньжу крепко сжала её руку и потянула вверх — Ань Чжисяо легко поднялась.

Но её опасения насчет затекших ног оправдались. Подошвы словно кололи тысячи муравьев, она не могла удержать равновесие и по инерции прислонилась к Шэнь Яньжу.

— Ноги затекли? — спросила Шэнь Яньжу.

Ань Чжисяо кивнула, глядя на неё сбоку, и вдруг спросила:

— Сестра, почему ты так добра ко мне?

— Добра? — Шэнь Яньжу посмотрела на неё в ответ.

Она всегда считала, что не делает для Ань Чжисяо ничего особенного. Ведь та заслуживает большего, лучшего, а она может дать так мало.

Даже если это так, в глазах Ань Чжисяо это было величайшим благом.

Ань Чжисяо кивнула, не отрывая от неё взгляда.

Шэнь Яньжу подумала и серьезно ответила:

— Наверное, потому что ты особенно бестолковая.

Поэтому она никогда ничего не просила ни у других, ни у этого мира. Но чем больше она была такой, тем сильнее хотелось дать ей всё самое лучшее.

Ань Чжисяо расширила глаза.

Это выражение лица было таким забавным, что Шэнь Яньжу, посмотрев на неё, внезапно рассмеялась.

Ань Чжисяо замерла.

Она впервые видела, как Шэнь Яньжу смеется. Когда она смеялась, она преображалась: взгляд становился мягким, уголки губ приподнимались, будто... будто ветер пронесся над полем цветов, заставив их дрожать и источать аромат.

Неописуемая красота. В этот миг Ань Чжисяо, кажется, наконец поняла истинный смысл этого выражения.

Даже слова Шэнь Яньжу о том, что она бестолковая, теперь казались чем-то простительным.

Пусть будет бестолковой. Если только из-за того, что она такая «непутевая», Шэнь Яньжу готова быть к ней такой доброй, то разве это имеет значение? — хотя Ань Чжисяо до сих пор не понимала, в чем именно Шэнь Яньжу так заблуждается на её счет.

Лишь когда Шэнь Яньжу перестала смеяться, Ань Чжисяо с грустью пришла в себя. Она поняла, что Шэнь Яньжу правильно делает, что не смеется при других — иначе кто угодно мог бы засмотреться на неё, и как тогда жить? К тому же, в глубине души Ань Чжисяо не хотела, чтобы кто-то еще видел такую Шэнь Яньжу.

Если бы она принадлежала только ей — эта мысль вдруг вспыхнула в её сознании.

А затем она поспешно выкинула её из головы.

<http://bllate.org/book/21771/2251425>